

ПРОЛОГ

Ещё в школьные годы меня постоянно преследовала мысль написать книгу о своей жизни. Я не мог предсказать ход событий моей жизни, но теперь, в возрасте семидесяти девяти лет, смею утверждать, что она была трудной, но интересной. Думаю, что если не для всех, то во всяком случае для моих близких будет любопытным почитать нечто вроде семейной хроники или воспоминаний их предка. Идея опубликовать эти воспоминания кажется дерзкой, технически я ещё не знаю, как это сделать, всё надо тщательно подготовить, напечатать, согласовать с редакцией. Пока всё это будет выглядеть в виде рукописи. Если хватит моей жизни и терпения, доведу дело до конца, если нет, рукопись будет храниться в семейном архиве, пока она будет представлять для кого-нибудь определённый интерес, если же она никому не будет нужна, её выбросят — и будет вычеркнута страница жизни обыкновенного человека с его собственной историей.

Повествование веду я от третьего лица. Все события, имена и фамилии героев подлинны.

Глава 1. НЕМНОГО О РОДОСЛОВНОЙ ИЛЬИ

На небольшом русском хуторе в Тульской области, в глуши провинции, в одном из деревенских домов, стоящем на пригорке, под Ильин день родился мальчик, которого назвали Ильёй. Это произошло в 1936 году. Роженица, Мария Дудинова, после трудных родов простудилась и через пять месяцев умерла от крупозного воспаления лёгких, оставив полусиротами четверых детей: трёх девочек и пятимесячного мальчика.

Отец детей Илья Никитич, неграмотный, но умный от природы мужчина, не стал заниматься воспитанием детей, отдав их на попечение своей матери. Он, как это тогда было принято, укатил в Донбасс в поисках заработка. Но никаких денег он не привозил, всё прошивал и приезжал к родителям гол и бос. Дети были почти беспризорными. Старшую, семилетнюю Настю, родственники заставляли нянчиться с детьми или пасти гусей. Пятилетняя Зина ходила возле бабушки, а трёхлетняя Вера вскоре после смерти матери тоже умерла. Илья с еле державшейся на тонкой шее головой карабкался в жизнь. Муж бабушки Кати Никита Петрович был тоже горьким пьяницей, он частенько колотил её, гонялся за ней по хутору с топором, сквернословил и курил махорку.

Кроме Ильи Никитича 1907 года рождения, у Никиты и Екатерины было ещё пятеро детей: Анна Никитична (Нюра) 1903 года рождения, Иван Никитич 1910 года рождения, Александра Никитична (Шура) 1921 года рождения, Николай Никитич 1924 года рождения и Павел Никитич 1929 года рождения.

Старшая Нюра жила с семьёй в шахтёрском посёлке Голубовка Ворошиловградской (ныне Луганской) области. Иван с молодой женой Ольгой жил в Ленинграде.

Шура, Николай и Павел оставались с родителями. Покойная Мария, мать детей, была сиротой. Старшие — её сестра Варя и брат Яков — почти не знали с ней. Она жила в бедности и от безысходности вынуждена была выйти замуж за пьяницу Илью Никитича, который ещё был и косоглазым от перенесённого в детстве менингита.

До семи лет он сидел сиднем, не мог ходить из-за осложнения после болезни, а в один прекрасный день встал и пошёл. Он окончил всего 3 класса. Мария тоже была малограмотной.

В 1939 году две семьи — Никита Петрович с женой и тремя детьми и его сын Илья Никитич с тремя детьми — вместе уехали на переселение в Омскую область. Там на две семьи им дали большой двухэтажный деревянный дом на опушке леса, две коровы с кличками Симма и Маруська и участок земли.

Глава 2. ЖИЗНЬ В СИБИРИ

Илье было всего три года, но он хорошо запомнил, как обе семьи со скарбом на больших санях уезжали с хутора. Зима была морозной, и дети были укутаны в тулупы. Их провожали Иван и его жена Ольга.

В Сибири жизнь казалась мальчику очень интересной, а природа невероятно живописной: зелёные лужайки прямо возле дома, ягоды, грибы. По вечерам дети смотрели самодельное кино, которое показывали дяди Коля и Павел. В большой коробке устанавливали свечи, в комнате гасили свет, перед свечами манипулировали различными вырезанными из картона фигурками; из коробки на противоположной стене прыгали всевозможные тени.

Дети разделили коров. Смирная Сима, дававшая много молока, принадлежала Зине и Насте, а боязливая, ленивая Маруська, дававшая гораздо меньше молока, — Илье. В памяти Ильи на всю жизнь запечатлелась следующая картина: он лежит на спине и смотрит в лазурное небо, вокруг тишина, нет никого из взрослых, они занимаются прополкой картофеля.

Жизнь в Сибири длилась недолго. В 1941 году на семейном совете было решено всем семьям соединиться с Нюрой, то есть уехать в Донбасс. Коров продали, приобрели билеты в мягкий вагон.

Маленькому Илье купили синий матросский костюмчик, и мальчик запомнил, как он ел вкусное сливочное мороженое на палочке, сидя в вагоне. Илья очень сожалел, что Симу и Маруську не привязали к поезду, ведь любимые коровы, по его мнению, могли бы тоже поехать с ними в Донбасс.

Глава 3. ГОЛУБОВКА, ДОНБАСС

И вот приехали они все в Донбасс. Жили по очереди: то у Нюры, то у Варвары, жены брата Никиты Петровича по имени Афанасий. Муж Нюры Кузьма был пьяницей и бил её чем попадя. Жить у них было невозможно, перебрались к Афанасию. Вечерами было многолюдно в большой комнате, лузгали семечки. Варвара выплёвывала лузгу одну за другой себе на бороду, отчего через минуту у неё с бороды свисала длинная дорожка из лузги.

Илье нравились эти вечера; он садился под стол и играл там. Илья был тщедушным, некрасивым мальчиком, никто им не восхищался, никто не обращал на него внимания, кроме бабушки Кати, которую он называл мамой. Бабушка Катя жалела его. Когда она пекла блины или пироги, первый блин или кусок пирога доставался маленькому Илье. Все в семье любили молочную лапшу, часто из общей миски ели тюрю: куски хлеба, брошенного в подслащенную холодную сырую воду. Часто играли в карты, лото и домино. Было шумно, людно и весело.

Но шумная и весёлая жизнь для Ильи длилась недолго. Перед началом войны весной Илья после долгого сидения на камне подхватил воспаление лёгких и всё лето пролежал в больнице. Болезнь протекала с осложнениями: мальчик потерял слух, перестал говорить.

Илью Никитича приглашали в больницу для прямого переливания крови сыну. Лежа рядом с Ильёй, Илья Никитич, отдавая кровь для переливания, просил врачей: «Надо спасти ребёнка. Это будущий патриот». Сестре Насте было разрешено ухаживать за братом. Илья после возвращения к нему слуха начал учиться

говорить. Лёжа в горячей ванне, он отвечал на вопросы: «Как тебя зовут?» — «Илья», «Как зовут твоего дедушку?» — «Никита», «Как зовут твою бабушку?» — «Катя»...

Иногда его выносили на руках на прогулку. В больничном саду висели огромные яблоки, было зелено, сияло солнце, и ничто не предвещало страшной катастрофы.

Глава 4. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

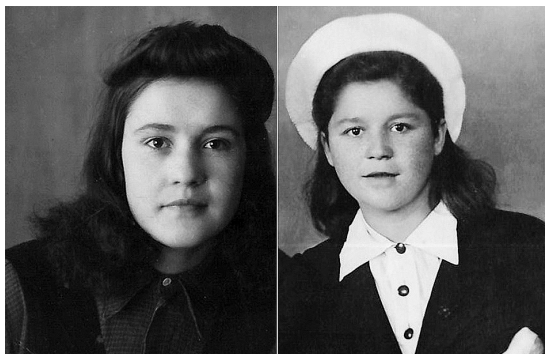
В 1941 году началась Великая Отечественная война. Война оставила неизгладимый след в памяти мальчика. К осени он выздоровел, и бабушка забрала его из больницы. Она несла его на руках, завёрнутого в огромную шаль. Дул пронзительный ветер, но в шали было тепло и уютно.

Начались бомбёжки. Илья прятался под стол в надежде, что крышка стола уберёжет его от бомбы, а взрослые улыбались его наивности. Окна домов были заклеены бумажными лентами из газет, чтобы как-то сохранились стёкла. Когда начиналась очередная бомбёжка, все вскакивали со своих мест, бежали прятаться в погреба. Илья хорошо помнит, как дед Никита однажды сорвал дверцу погреба вместе с замком и петлёй. В погребе было тесно, так как обычно тут были дед Никита, отец Илья Никитич, Настя, Зина, Илья-младший, дядя Павел, бабушка Катя. Колю забрали в армию. Нюра со своими детьми — тремя дочерьми — ютилась в другом погребе. Кузьма её тоже был призван на фронт. Шура куда-то часто уезжала, но во время одной из бомбёжек она прибежала в погреб с копчёной колбасой в руках. Все в погребе немного перекусили этой колбасой.

Илье запомнился эпизод, когда Илья Никитич однажды показался подозрительным охранявшему скирды милиционеру. Милиционер рукояткой пистолета ударил его по лицу и разбил ему правую скулу. Чертыхаясь на милиционера, Илья Никитич вместе с Никитой спустились в погреб, где уже третий день все прятались от бомбёжек.

Немец приближался к Голубовке. Семьи стали решать, оставаться на месте или убегать. Нюра наотрез отказалась уезжать. Никита Петрович со своей семьёй, а Илья Никитич со своей решили эвакуироваться. Илью Никитича не призвали на фронт из-за косоглазия, но он ходил на трудовой фронт — на уборку урожая.

Глава 5. КРАСНОКУТСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Настя и Зина

В один из летних дней две семьи двинулись к переправе, мосты были взорваны, и на другой берег Северного Донца можно было перебраться только на пароме. Сын и отец — Илья Никитич и Никита Петрович — со своими семьями ждали своей очереди на паром; на берегу скопилось много народа. К счастью, не было налёта, и в очередном рейсе они благополучно переправились на другой берег, а потом на товарных поездах поехали в Саратовскую область. Уже наступали суровые холода, и в товарняках было очень холодно. Обычно Илья Никитич с детьми тайком проникал в товарные вагоны с дровами, строительным материалом или сеном. Лучше всего, когда они были в вагоне с сеном, брёвна же не спасали от холода. Однажды Илья так замёрз, что он заявил отцу: «Папа, я погибаю...» Тот всерьёз перепугался, схватил мальчика на руки и начал своими руками согревать руки ребёнка и дышать на него тёплым воздухом.

Добравшись в Саратовскую область, они остановились в бывшем немецком поселении Шиндорфе. Немцев не было, их всех выслали в Казахстан, так как боялись провокаций поволжских немцев. В немецких домах в печи были вмонтированы огромные чугунные котлы, которые обычно были тёплыми, иногда — горячими, и Илья спал в них. У него часто болел живот, а когда он прислонялся животом к тёплому котлу, то боль прекращалась.

Зимой 1942 года Илью Никитича забрали в армию. Перед этим он определил своих детей в Краснокутский детский дом. Мальчику Илье тогда исполнилось пять с половиной лет. В детском доме не было детей его возраста, и сёстры попросили воспитателей держать брата в девичьей спальне. В спальне оказалась маленькая каморочка для них троих, вдоль стен которой были установлены три кровати. Днём Илья почему-то был один. У него не было ни обуви, ни пальто, ни носков. Туалет находился на улице, и, чтобы сходить в туалет, ему приходилось брать у кого-то из сестёр одежду и обувь. Запомнился ему такой случай. Когда сестёр не было, в помещении проводилась дезинфекция, всё с кроватей было снято, были только голые пружины. Илья сидел на голых пружинах кровати, подогнув под себя ноги. Вдруг он захотел в туалет. Ни обуви, ни одежды не было. Босиком в одной длинной рубашке он выбежал на мороз, добежал до туалета, помочился, ноги обжигал мороз, добежал до спальни, сел на голые пружины, поджав под себя ноги, и по щекам покатились слёзы.

Завтракать и обедать ходили в общую детдомовскую столовую. Там старшие детдомовцы под столом ногой толкали Илью и тут же делали знаки глазами отдать им лакомый кусок завтрака или обеда. Если Илья не отдавал, то после обеда в коридоре получал хорошую оплеуху. Доносить на обидчиков в детдоме

было не принято, так как сексот (доносчик) подвергался преследованию.

Девчонки в детском доме были не лучше парней по поведению. Особенно отличалась Дуня. Это была крепкого телосложения 16-летняя девушка-украинка, которая курила, сквернословила и командовала всеми девчонками. В один из солнечных дней Дуня позвала Илью в спальню, где она вместе с другой девушкой наматывала пряжу с мотка на клубок. Девушка держала моток пряжи на кистях рук. Дуне вдруг вздумалось подключить Илью к делу, но она явно замышляла причинить ему какую-то пакость. Моток пряжи перебросили на кисти Ильи, девушка начала наматывать нитки на клубок. Дуня куда-то ушла. Вдруг на шее Ильи оказался ёж, который больно уколол шею мальчика. Илья дёрнулся, моток шерстяных ниток соскользнул с его рук, и нитки слегка спутались. Дуня пришла в ярость! «Тёмную ему!» — вскричала она. Тут же Илью укрыли несколькими одеялами — и началась «тёмная». Его били кулаками и ногами. Он орал в одеялах, но крик его был никому не слышен. Когда он выкарабкался из-под одеял, девушек уже не было.

Илья убежал в свою каморку, пожаловался сёстрам на обидниц. Настя решила отомстить Дуне за брата. Она придумала месть. Зная тщеславие, гордый характер Дуни, Настя решила сыграть на этом. Она спланировала и спровоцировала ссору Дуни с очень сильной, тоже красивой и гордой девушкой, которая ненавидела Дуню. Дуня разносила на подносе стаканы чая, девушка подметала пол. Когда Дуня подошла к Насте, та спросила: «А что-то она на тебя покосилась?» — кивая на девушку. «Она на меня косится? — вспыхнула Дуня. — Ты почему на меня косишься?» — подскочила Дуня к подметавшей девушке и тут же влепила ей пощёчину. Та тут же ответила крепкой оплеухой Ду-